

Юрий Никитин

В операционной

*Часть сборника
Далекий светлый терем
(сборник)*

Юрий Александрович Никитин

В операционной

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127939

Аннотация

«В операционную медсестра ввела, придерживая сзади за локти, молоденькую женщину в непомерно длинном больничном халате. Я машинально скользнул по ней взглядом, вздрогнул, всмотрелся. Таня, насмешливая Таня с нашего двора, самая яркая девчонка улицы?.. Когда по утрам шла в институт, я вычислял, когда вернется, выскакивал навстречу, а когда она поняла эти нехитрые маневры сопляка, каким я был в сравнении с провожавшими ее верзилами, то посмотрела так выразительно, что я, сгорая со стыда, спрятался в дом, чтобы с тех пор следить за ее возвращениями только из-за занавески...»

Юрий Никитин

В операционной

В операционную медсестра ввела, придерживая сзади за локти, молоденькую женщину в непомерно длинном больничном халате. Я машинально скользнул по ней взглядом, вздрогнул, всмотрелся. Таня, насмешливая Таня с нашего двора, самая яркая девчонка улицы?.. Когда по утрам шла в институт, я вычислял, когда вернется, выскакивал навстречу, а когда она поняла эти нехитрые маневры сопляка, каким я был в сравнении с провожавшими ее верзилами, то посмотрела так выразительно, что я, сгорая со стыда, спрятался в дом, чтобы с тех пор следить за ее возвращениями только из-за занавески.

Ребята с нашей улицы тоже жадно следили за ней из окон... Но жизнь не стоит на месте: я получил квартиру в дальнем микрорайоне, пошли хлопоты по переезду, появились новые знакомые и новые соседи, после учебы меня неожиданно взяли ассистентом психоаналитика – еще год-два, и доверят самостоятельные операции, и Таня отошла на задний план, хотя горькое чувство утраты осталось, даже разрослось, и я за эти годы так и не женился, почти не встречался с женщинами, за исключением совсем уж случайных знакомств...

Сестра усадила Таню возле операционного стола, со вздо-

хом села заполнять карточку. Таня, бледная и сильно исхудавшая – одни трагические глаза, – безучастно смотрела перед собой. Я ощутил, как меня покидает мудрое спокойствие и понимание психоаналитика. До меня доходили слухи о некоем Викторе, я его однажды даже видел с нею, когда они усаживались в новенькую «Волгу»: красавец с пухлыми губами, высокий, статный, мускулистый, хорошо одет. И ты, насмешливая и проницательная, умевшая видеть нас, твоих дворовых поклонников, насквозь, не рассмотрела это ничтожество, которому и рост, и мускулы, и красивое лицо дали родители, как и фирмовую одежду и личную «Волгу»!

– Что с ней? – спросил Мальцев безучастно.

Он чувствовал себя неважно, а еще предстоит собрание после работы, какой-то обязательный треп о ежеквартальности, докладывать ему, успеть бы подготовиться в обеденный перерыв, а пока хоть основные тезисы обдумать...

– Не реагирует ни на какие раздражители, – ответила медсестра. Она была новенькая, наших терминов еще не усвоила, говорила так, как понимала. – Хоть говори ей что, хоть не говори, хоть плачь – ей все равно!.. Венский говорит, что она зациклилась на чем-то для нее сверхважном, и теперь ее мысли ходят по кругу.

– Зондаж делал? – поинтересовался Мальцев отрывисто. Я видел, что он придвинул листок и сделал первую запись. Почерк корявый, но я разобрал, что речь шла о подшефной свиноферме.

– Да, он сделал два психозондажа, – ответила медсестра послушно, как школьница. – Медикаментозное лечение результатов не дало, показана операция...

Мальцев вздохнул, потер ладонью лоб. На листике под пунктами вторым и третьим было еще пусто.

– Зовите, – сказал он хмуро. – Начнем, работы еще много.

Сестра метнулась за дверь, только халат мелькнул. Слышен был ее звонкий голосок, когда она созывала хирургов, помощников, техников. Они медленно стягивались в операционную, а я еще во все глаза рассматривал Таню. Теперь смотреть можно. Теперь взглядом не обжигает.

На операционный стол ей взобраться помогла медсестра. Таня все выполняла безучастно, как кукла. Где ее мысли, где ее сознание теперь? Ее мир для нас закрыт, она сейчас даже боли бы не почувствовала.

Ее закрепили на столе специальными захватами, техники уже приклеивали свои датчики. ЭВМ оживала по мере их подключения: две стены из блоков в семь миллионов каждый, треть ближайшей стены занимают пять экранов, где уже потянулись пульсирующие белые линии, побежали первые цифры...

Хирурги сходились к столу. Мальцев со вздохом сбросил халат, намереваясь вскарабкаться на соседний стол, как вдруг я, неожиданно даже для себя, сказал громко:

– Прошу разрешить операцию мне!

На меня оглянулись с таким видом, словно у них в опера-

ционной неожиданно появилась буриданова или еще чья-то там ослица и запела. Ассистент, да еще младший! Тебе еще пять лет только авторучку подавать хирургу, не раскрывая пасти!

– Я знаю эту девушку, – сказал я торопливо. – Вернее, знал ее здоровой. Подонок, в которого она верила, как в бога – такие хрупкие ранимые натуры, как она, еще на это способны, – в чем-то разочаровал ее. По моему глубокому убеждению, это и стало причиной болезни. Она очень хрупкая! У нее в семье одни скрипачи, лингвисты, художники...

– Гм, – сказал один из хирургов, самый пожилой, – хрупкую природу повредить легко, вылечить трудно.

– Мне кажется, – сказал я, запоздало понимая, что нельзя так говорить с опытными психохирургами, нужно опускать «мне кажется», – считаю, она заиклилась на противоречии.

Мальцев поморщился, открыл рот, явно собираясь поставить меня на место, а старый хирург спросил с интересом:

– Ну-ну, каком?

– Он, дескать, идеал, но поступил мерзко, и вот она день и ночь ежечасно и ежеминутно пытается найти объяснение, оправдать его...

– Найдет? – спросил кто-то.

– Вряд ли, – ответил я. – Довелось видеть этого героя. Как она влипла, не понимаю.

– Тогда операция неизбежна, – сказал главврач. – Ну а вы, юноша, уверены... э-э... в себе? Что вы умеете делать?

– Я прошел специальные тренировки, – отчеканил я, глядя ему преданно в глаза. – Я с отличием сдал экзамены по психозондажу и погружению, я полгода ассистирую...

– Я, я, – прервал меня главный. Он несколько мгновений молчал, глядя, как я покрываюсь краской, затем договорил уже другим тоном: – Впрочем, для психохирурга – это не порок... Для человека... э-э... порок, а для хирурга нашего профиля – достоинство. Кроме того, коллеги, нам пора выдвигать молодую смену... Да и сверху напоминают, что мало работаем с кадрами.

– Василь Леонидович, – сказал самый пожилой, – конечно, это поможет, если молодой че-эк знает эту девушку. Он знает ее слабости, достоинства, в чем-то знаком с внутренним миром. К тому же начинать самостоятельно все равно когда-то придется... Но как бы не увлекся! Понимаете?... У этих юных девушек бывают, скажем, такие глубины, такие отклонения, что... гм... как бы этот юный Дон Кихот не ринулся исправлять все немедленно.

Я вскинулся от обиды:

– Вы меня принимаете за мальчишку с улицы? Мы изучали именно глубинную психологию, не беспокойтесь. А здесь, как вы догадываетесь, это основная наша работа.

Кто-то хихикнул, услышав такой отпор, главный же нетерпеливо взглянул на часы, сказал:

– К делу, товарищи.

Мальцев с облегчением уступил мне место. Техники за-

крепили меня на столе, я не мог шевельнуть и пальцем, десятки датчиков усеяли мое тело.

Справа и слева на экранах я видел стремительно бегущие линии, дескать, у объекта номер два пока все в порядке.

Подошел главный. Глаза были внимательные, пронизывающие.

– Запомните, – сказал он неожиданно жестким голосом с примесью металла, – погружение в психику больного всегда огромный риск даже для специально подготовленного психиатра! При малейшей ошибке лишается разума сам хирург. Зачастую безвозвратно. Запомнили?

– Я это твердо помню с первого курса, – ответил я, чувствуя, что моя дерзость сейчас к месту.

– И еще. Вам разрешаем только кратковременное погружение. Ясно? Всего на пять-шесть минут. Посмотрите, оцените – и сразу же назад. Запомнили?

Я кивнул. Погружаются всегда по многу раз, от двух-трех секунд и, в случае абсолютной безопасности, все больше увеличивая интервалы. Но даже при психохирургическом вмешательстве излечение наступает не всегда...

– Готово? – послышался нетерпеливый голос одного из техников.

– Начинайте, – прошептал я, – вхожу в резонанс...

Я сосредоточился, сжал волю и чувства в пучок, собрал все то, что так называется, хотя это не совсем правильно, старался прочувствовать, ощутить хаос, что наполняет созна-

ние девушки, увидеть своими глазами мрак, что заполнил ее душу, прочувствовать ее состояние, погрузиться в глубины ее изломанного неверного мира, найти ее в развалинах, исправить, связать разорванные нити...

Стены ушли, окружающее растворилось, только неумолимые глаза главного еще долго гипнотически висели надо мной, и я читал в них, что, если задержусь хоть на несколько минут, о работе психохирурга-аналитика можно забыть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.